

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.10.37>

Беззубова Ольга Владимировна

Городское пространство и кластеризация памяти

Цель исследования - выявить новые формы конструирования идентичности, возникающие в современной культуре благодаря развитию так называемых новых медиа. Проблема идентичности рассматривается в статье во взаимосвязи с феноменом коллективной памяти. Отдельное внимание уделено пространственной идентичности и трудностям самоидентификации, вызванным развитием индустриальных городов в XX в. Научная новизна обусловлена применением кластерного подхода. В результате исследования на примере интернет-сообществ, посвященных так называемым "спальным" районам крупных городов, было показано, что репрезентация городского пространства в сети Интернет является новой формой мемориальной культуры. Кроме того, был продемонстрирован эвристический потенциал кластерного подхода как относительно нового направления в социогуманитарных исследованиях.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/10/37.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 10. С. 204-208. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Философская антропология, философия культуры

Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.10.37>

Дата поступления рукописи: 17.09.2020

Цель исследования – выявить новые формы конструирования идентичности, возникающие в современной культуре благодаря развитию так называемых новых медиа. Проблема идентичности рассматривается в статье во взаимосвязи с феноменом коллективной памяти. Отдельное внимание уделено пространственной идентичности и трудностям самоидентификации, вызванным развитием индустриальных городов в XX в. *Научная новизна* обусловлена применением кластерного подхода. **В результате** исследования на примере интернет-сообществ, посвященных так называемым «спальным» районам крупных городов, было показано, что репрезентация городского пространства в сети Интернет является новой формой мемориальной культуры. Кроме того, был продемонстрирован эвристический потенциал кластерного подхода как относительно нового направления в социогуманитарных исследованиях.

Ключевые слова и фразы: кластерный подход; коллективная память; идентичность; городское пространство; интернет-сообщества.

Беззубова Ольга Владимировна, к. филос. н., доц.
Санкт-Петербургский горный университет
bezzubova_olga@mail.ru

Городское пространство и кластеризация памяти

Актуальность темы исследования обусловлена возросшим влиянием так называемых новых медиа, и особенно сети Интернет, на формирование социальной идентичности современного человека.

Для реализации заявленной цели исследования был решен ряд конкретных *задач*. В частности, установлены особенности и перспективы применения кластерного подхода, определено значение коллективных форм памяти для формирования идентичности современного человека и продемонстрирована взаимосвязь идентичности с восприятием и репрезентацией городского пространства. В качестве *метода исследования* был выбран интерпретативно-аналитический метод, позволяющий выявить ключевые тенденции развития современной культуры. *Теоретической базой* исследования являются так называемая кластерная теория (ряд особенностей которой будет рассмотрен ниже), исследования, посвященные проблемам коллективной памяти [16; 17; 21], и ряд идей, предложенных в рамках так называемой ситуационистской психогеографии [24] и культурной антропологии [5]. *Практическая значимость* исследования обусловлена необходимостью прояснения механизмов самоидентификации в современном обществе с целью поиска оснований для продуктивного диалога между представителями различных социальных групп.

Развитие социогуманитарного знания во второй половине XX века характеризуется среди прочего появлением ряда новых концептов. К таковым можно отнести и понятие «кластер», которое все чаще используется в последнее время в различных областях: в экономике [27], эстетике [11], теории массовой культуры [19], урбанистике [25], музеологии [3]. Несмотря на различия содержания понятия «кластер» в перечисленных областях, мы можем указать на некоторые объединяющие моменты. Так, экономический кластер определяется как «географическая концентрация взаимосвязанных компаний и институций, работающих в одной области» [27, р. 78], культурный кластер может пониматься как «окружение (neighborhood), породившее плотную сеть ресурсов – организаций, бизнесов, участников и художников, – отличающих его от других окружений (neighborhoods)» [28, р. 262-263], в градостроительстве кластер трактуется, например, как «ограниченная совокупность территорий, включающая производственный, научно-исследовательский, учебно-образовательный элементы и инфраструктуру, функции которых сконцентрированы, технологически взаимосвязаны и объединены общим направлением инновационного развития отрасли экономики» [15, с. 72]. Во всех эти определениях присутствует пространственная, географическая составляющая. Несколько иное понимание связано с эстетикой и теорией медиа, где акцент делается скорее на соединении гетерогенных

элементов, нежели на определенной пространственной структуре, однако идея выделения группы элементов на основании некоторого, возможно, не самого существенного признака остается неизменной. Нам представляется, что попытки конструирования кластерной теории являются симптомом растерянности на фоне быстрых изменений, характеризующих социальные процессы эпохи постмодерна. Сегодня становится невозможным говорить о едином понимании искусства (кластерный подход в эстетике), меняются функция и способ существования музеев (музейный кластер), трансформируются экономические отношения и мировая экономика (производственные и инновационные кластеры), изменяется характер культурных процессов (креативные кластеры). В этом контексте введение в оборот и быстрый рост популярности понятия «кластер» отражают стремление к выделению относительно стабильных образований в потоке «текущей современности» (З. Бауман). Можно, конечно, задаться вопросом, не является ли представление о жестких социальных структурах своего рода ретроспективной иллюзией, однако мы ограничимся лишь констатацией того факта, что современные реалии настойчиво описываются в терминах подвижности, изменчивости, текучести, разрывов и разломов и, следовательно, могут восприниматься как нуждающиеся в стабилизации. Таким образом, помимо пространственной протяженности и стремления к преодолению гетерогенности, свойственной кластерным теориям, следует отметить также такую их важную черту, как связь с проблемой управления и планирования. Кластер рассматривается как инструмент менеджмента в экономике и культуре, как то, что необходимо создавать и чем можно управлять. С развитием кластерных структур связываются надежды на будущее, прогресс и получение конкурентных преимуществ. В этом отношении понятие кластера может быть противопоставлено представлению о стихийности и неуправляемости социальных процессов.

Кластерная проблематика, рассмотренная под таким углом зрения, делает очевидными три аспекта, вызывающие озабоченность современных исследователей: это проблема пространственных структур и их организации, потребность в упорядочивающем описании социальных процессов и стремление к контролю. Мы можем указать, по крайней мере, еще одну важнейшую для современного общества сферу, для которой данные вопросы также являются ключевыми, – это так называемая политика памяти. Применение кластерной теории к исследованиям коллективной памяти позволит по-новому взглянуть на ряд важных моментов.

«Коллективная память» – один из наиболее спорных концептов в современном социогуманитарном знании. В научной литературе, посвященной данной теме, помимо того, что выделяются различные типы коллективной памяти (политическая, социальная, культурная [1]), также ставится вопрос о том, существует ли данный феномен вообще или же память может быть только индивидуальной. Мы полагаем, что хотя говорить об объективном существовании коллективной памяти (так же как коллективного сознания или бессознательного) невозможно, в то же время концепт «коллективная память» маркирует чрезвычайно важную проблему и, следовательно, может быть применен для анализа социокультурных процессов. Речь идет о связи идентичности субъекта и осознания принадлежности к группе, а также о значении для формирования идентичности видения себя и своей группы в истории. Интерес к данной теме возник в XX в. благодаря трудам социолога М. Хальбвакса, главная заслуга которого заключается в том, что он перенес вопрос о памяти из сферы психологии или философии в сферу социальных наук. В работе «Социальные рамки памяти» Хальбвакс рассматривает память именно как инструмент формирования идентичности, осознания принадлежности к группе. Согласно Хальбваксу, человек помнит в первую очередь то, что важно для той социальной группы, к которой он принадлежит, воспоминания позволяют индивиду «чувствовать себя в контакте с человеческим обществом» [17, с. 53]. Он, таким образом, настаивает на социальной обусловленности памяти и отказывается от представления о ее объективности.

В статье «Коллективная и историческая память» [16] Хальбвакс рассматривает отношение двух типов памяти: групповой и индивидуальной. Индивидуальная память отражает события, пережитые самим человеком, тогда как коллективная память содержит сведения о прошлом, важные для группы в целом. Коллективная память – это представление о событиях в прошлом, возможно, достаточно отдаленном, в которых сам человек не принимал участия. Индивидуальная и групповая память могут пересекаться, и тогда индивидуальные воспоминания о пережитом соотносятся и сверяются с той интерпретацией, которая выработалась в коллективе: «Чтобы воскресить в памяти собственное прошлое, человеку часто приходится обращаться к чужим воспоминаниям. Он полагается на опорные точки, существующие вне его и установленные обществом. Более того, функционирование индивидуальной памяти невозможно без этих инструментов – слов и идей, не придуманных индивидом, а заимствованных им из его среды» [Там же]. В книге «Коллективная память» [21] Хальбвакс уделяет внимание также значению материального окружения для функционирования коллективной памяти и формирования идентичности. Городское пространство рассматривается им, в первую очередь, как пространство, в котором формируются социальные отношения и привычки. Эти отношения обладают значительной устойчивостью и воспроизводятся зачастую вопреки тем трансформациям, которые претерпевает городская среда, в том числе благодаря деятельности городской администрации по благоустройству. По мнению Хальбвакса, именно благодаря связи с пространством локальные группы обладают большой устойчивостью и продолжают существовать, несмотря на политические потрясения и исторические события национального и мирового масштаба.

Труды М. Хальбвакса оказали важнейшее влияние на разработку проблемы коллективной памяти в социальных науках в XX в. Однако общество, которое он описывает, – это индустриальное общество, или же общество модерна. В нем уже существуют динамические процессы, описываемые в терминах циркуляции и обмена, но одновременно сохраняется и достаточно жесткая классовая структура, а также не утрачивают своего

первостепенного влияния малые группы: семейные, профессиональные, религиозные. Именно принадлежность к таким первичным социальным образованиям формирует основы идентичности. Конечно, не следует забывать о том, что человек на протяжении своей жизни оказывается включенным в различные социальные группы, и, следовательно, его идентичность представляет собой сложное многоуровневое образование, в рамках которого могут возникать противоречия, однако эту, конфликтную, сторону Хальбвакс отмечает, но не акцентирует. Возможно, потому, что все эти разнообразные коллективные объединения соотносятся с метауровнем, представленным национальным государством. В идеале, различные коллективные идентичности и образы прошлого находят разрешение в дискурсе национальной истории, создающей общую рамку для существования многочисленных индивидуальных и коллективных воспоминаний. Коллективная память в концепции Хальбвакса соотносится, таким образом, с историей как «большим» нарративом.

Переход от общества модерна к ситуации постмодерна характеризуется не только структурными социальными или технологическими изменениями, но и, как отмечает Ж.-Ф. Лиотар, кризисом метанарративов [9]. Национальная история больше не может выполнять свою примиряющую функцию, она сама оказывается под вопросом. На место единой истории приходят различные, часто конфликтующие между собой «истории» – образы прошлого, разделяемые той или иной группой, то есть память.

Несмотря на то, что мемориальную культуру часто связывают с травматическими событиями прошлого [2], сегодня различного рода мемориальные практики становятся частью повседневности, и далеко не всегда они затрагивают смыслообразующие основания человеческого опыта. Важнее здесь то, что мемориальная культура выступает в качестве инструмента самоидентификации.

Значительное влияние на формирование образа прошлого оказывает развитие так называемых «новых медиа». В современной культуре доступ к медийному пространству получают все пользователи Интернета. И хотя потенциальная аудитория отдельно взятой интернет-публикации может быть крайне ограниченной, современная сетевая культура предоставляет широкие возможности для формирования разнообразных «групп по интересам», или же, используя иную терминологию, сетевых сообществ. Как отмечает Р. Хойлинг, в сетевых сообществах идентичность индивида определяется его принадлежностью к одной или нескольким сетям, которые образуют новый тип социального пространства, в котором «действители, живущие на расстоянии тысяч километров друг от друга, графически будут расположены ближе, чем, к примеру, соседи по дому, принадлежащие к разным социальным слоям» [18, с. 66]. Е. Э. Сурова называет такие сообщества кластерными. Особенность кластерных сообществ, по ее мнению, в том, что они формируются вокруг общей мифологемы, «порождающей начальный свод положений норм, определяющий характер деятельности сообщества» [14, с. 57]. Здесь, возвращаясь к концепции Хальбвакса, следует отметить, что, несмотря на основополагающее значение его идей для современных мемориальных исследований, он не говорит о возможной мифологизации памяти, ее идеологическом конструировании, которое благодаря современным средствам информации приобретает новые формы. Сложно спорить с тем, что общность группы (семейной, профессиональной и т.п.) конструируется через общие воспоминания, однако вопрос о том, как этот механизм работает в условиях современных территориально рассеянных сообществ, остается открытым.

Письменная история больше не является доминирующим нарративом, подконтрольным властным и интеллектуальным элитам. В современной ситуации существует множество «историй», трансформирующих рамки коллективной памяти. Индивид, соотносящий свой личный опыт с циркулирующими в медиа нарративами, больше не получает гарантии достоверности собственных воспоминаний, а одновременное наличие одинаково доступных альтернативных дискурсов ставит его перед непростой проблемой выбора. Механизмы, осуществлявшие организацию межличностного общения в эпоху «старых» медиа, будучи перенесенными в современное медиaprостранство, изменяют свою функцию, становясь инструментами идеологизации и мифологизации прошлого.

Среди многочисленных сетевых сообществ, репрезентирующих мемориальную культуру, мы можем выделить особую группу, а именно сообщества, связанные с городским пространством. Такие сообщества возникают вокруг интернет-ресурсов, посвященных различным аспектам истории и повседневной жизни города или отдельных городских сообществ. Они не представляют собой единства, в их рамках мы можем выделить несколько типов: сообщества, объединяющие жителей одного дома, района, города. Для нас здесь важно то, что они часто связаны с проблемой идентичности.

Вопрос о связи пространства (в том числе городского) и идентичности неоднократно становился предметом исследования и осмысления. В качестве основоположников данного направления можно назвать М. Фуко, А. Лефевра, М. де Серто, Г. Дебора, Э. Сойя, Р. Ольденбурга. В современной литературе, посвященной проблеме конструирования идентичности, проблеме взаимосвязи идентичности и пространства уделяется значительное внимание [22; 23; 26].

Отметим, что проблема городской среды актуальна в рамках кластерной проблематики не только потому, что кластерная политика становится одной из ключевых в современном градостроительстве, но и потому, что европейские города изначально возникали как кластерные структуры. Зонирование, судя по всему, является неотъемлемой чертой развития города. В исторических городах традиционно существовали зоны (кластеры): рыночная, административная, религиозная, военная. Представители различных профессий часто селились в особые кварталы. В XX в. эта тенденция достигает своего пика, но уже на новых основаниях рационального планирования.

Передовые градостроительные проекты первой половины XX в. предполагали обязательное выделение зон отдыха, промышленности, администрирования, проживания. Индустриализация и сопутствующая урбанизация по всему миру привели к быстрому росту городов и возникновению на окраинах зон массовой застройки, слабо соотносимых с историческим прошлым города. В СССР индустриальное домостроительство привело к возникновению так называемых «спальных районов», являющихся неотъемлемой частью любого крупного города на постсоветском пространстве.

Идентичность человека общества модерна (и особенно советского человека, в той мере, в какой мы можем рассматривать строительство социализма как модернизационный проект) должна была быть связана не с прошлым (которое следовало изжить и преодолеть), а с будущим, которое необходимо было создать. Однако с переходом к постмодерну и на бывшем постсоветском пространстве, с крахом советской идеологии как последнего крупного модернизационного проекта, вопрос об исторических корнях приобретает новое значение. И если обитатели исторического центра, как правило, не имеют больших трудностей с конструированием собственной идентичности, то для жителей районов массовой застройки эта задача оказывается не столь тривиальной. В самовосприятии горожанина, стремящегося соотнести свое место в настоящем с историческим прошлым, основой самоидентификации становится в этом случае не архитектурная среда, а географический топос, в котором он обитает.

В большинстве исследований, посвященных проблеме пространственной идентичности, затрагивается вопрос о взаимодействии человека с пространством, однако сегодня мы можем и должны говорить также о том, как это пространство репрезентируется, находит свое отражение в новых медиа. Если зародившаяся в конце 1950-х гг. психогеография [6; 24] исходила из представления о том, что имеет значение не столько объективная, материальная структура городской среды, сколько то, каким образом пространство проживается и осмысливается субъектом, то сегодня мы можем говорить о возникновении еще одного уровня психогеографического описания, связанного с репрезентацией городского пространства в пространстве виртуального. Коллективные усилия пользователей создают новые, зачастую непредсказуемые, когнитивные карты [12].

Среди явлений, заслуживающих внимания в этом контексте, следует отметить появление многочисленных интернет-сообществ, связанных с так называемыми «спальными» районами. Например, в Санкт-Петербурге это многочисленные группы, посвященные таким районам, как Купчино [8], Калининский район [10], Невский район [4] и др. Помимо обмена практически полезной информацией (данные ресурсы представляют собой также пространство для знакомства и общения, поиска работы, спроса и предложения бытовых услуг), они содержат также краеведческие материалы. Пользователи обмениваются фотографиями и историями, позволяющими придать месту проживания историческое измерение. В рамках таких сообществ осуществляется также мобилизация по поводу градозащитных мероприятий, как правило, направленных против уплотняющей застройки и на защиту зеленых насаждений. Конфликты между резидентами и администрацией по поводу использования пространства свидетельствуют о том, что жители осуществили символическое присвоение территории, связывают с данным местом свою жизнь в будущем. Как отмечает С. Лоу, «локальные конфликты по поводу пространства могут быть использованы для открытия и освещения более значительных вопросов» [23, р. 35]. В данном случае для прояснения механизмов формирования кластерной идентичности.

В ряде случаев символическое освоение районов типовой застройки осуществляется не за счет построения вербального нарратива, но исключительно визуальными средствами, как, например, в ряде так называемых «пабликов» российской социальной сети ВКонтакте (например, «Спальные районы» [13], «Ялюблюпанельноедома» [20], «Из подъездов с любовью» [7]), публикующих пользовательские фотографии, претендующие на своеобразную эстетизацию типовой архитектуры, еще не так давно рассматриваемой исключительно как символ ущербности градостроительной политики Советского Союза. В этом случае принадлежность к группе уже не связана с общностью территории, так как в подобные сообщества входят люди, проживающие в разных городах Российской Федерации. Появление подобных кластерных интернет-сообществ, на наш взгляд, связано с тем, что большая часть городских жителей современной России родились, выросли и в настоящее время проживают именно в районах типовой застройки второй половины XX в. Таким образом, повседневный опыт (и сентиментальные воспоминания) изрядной части россиян связан не с историческими центрами городов, о которых чаще всего вспоминают, когда речь заходит об идентичности территории, а именно со спальными районами. Следует отметить также, что целый ряд российских городов, построенных в СССР в ходе индустриализации, исторического центра могут вообще не иметь.

Основной *вывод* нашего исследования лежит, таким образом, на стыке двух проблематик – исследований городского пространства и исследований памяти. Сегодня мы наблюдаем зарождение мемориальной культуры, в которой память перестает быть исторической памятью и даже коллективной памятью о травматическом прошлом. Она связана в этом случае с попытками символического освоения пространства, даже в том случае, когда сама городская среда как будто бы не предполагает исторического измерения, будучи спроектированной изначально как сугубо утилитарная. Тем не менее не обладающие индивидуальностью районы массовой индустриальной застройки не являются препятствием для формирования ассоциирующих себя с ними кластерных сообществ.

Список источников

1. **Ассман А.** Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 328 с.
2. **Ассман А.** Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
3. **Бирюкова М. В., Ляшко А. В.** Музей как феномен кластерной культуры // Общество. Среда. Развитие. 2019. № 3. С. 74-79.
4. **Будь в курсе! Невский район** [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/bud_v_kurse_nrayon (дата обращения: 19.09.2020).
5. **Визуальная антропология: городские карты памяти** / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант; ЦСПГИ, 2009. 312 с.
6. **Дебор Г.-Э.** Введение в критику городской географии // Анархия: антология современного анархизма и левого радикализма: в 2-х т. М.: Ультра-культура, 2003. Т. 1. Без государства. Анархисты. С. 241-246.
7. **Из подъездов с любовью** [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/publik_podezdy (дата обращения: 19.09.2020).
8. **Купчино. Исторический район. История, описания, фотографии** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kupsilla.ru/> (дата обращения: 19.09.2020).
9. **Лиотар Ж.-Ф.** Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
10. **Наш дом – Гражданка | Калининский район | СПб** [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/grazhdanka_spb (дата обращения: 19.09.2020).
11. **Радеев А. Е.** Кластерный подход к искусству: за и против // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Искусствоведение. 1914. № 1. С. 117-125.
12. **Семенова В.** Картирование городского пространства: основные подходы к визуальному анализу // Визуальная антропология: городские карты памяти / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант; ЦСПГИ, 2009. С. 67-81.
13. **Спальные районы** [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/sleepng> (дата обращения: 19.09.2020).
14. **Сурова Е. Э.** «Кластерные» сообщества – новая форма социокультурной организации // Studia Culturae. 2010. № 10. С. 48-61.
15. **Тарасова Ю. И., Киншт А. В.** Кластер как структурная единица территориально-пространственной организации среды в России // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2018. Т. 20. № 6. С. 66-74. DOI: 10.31675/1607-1859-2018-20-6-66-74.
16. **Хальбвакс М.** Коллективная и историческая память [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения: 19.09.2020).
17. **Хальбвакс М.** Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
18. **Хойслинг Р.** Перформативное социальное // Хойслинг Р. Социальные процессы как сетевые игры: социологические эссе по основным аспектам сетевой теории. М.: Логос-Альтера, 2003. С. 66-83.
19. **Черных О. Н.** Кластерный принцип конституирования современной культурной реальности: автореф. дисс. ... к. филос. н. / Санкт-Петербургский государственный университет. СПб., 2011. 20 с.
20. **ялюблюпанельныйедома** [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/ilovepanelhouses> (дата обращения: 19.09.2020).
21. **Halbwachs M.** La mémoire collective. P.: Presses Universitaires de France, 1950. 204 p.
22. **Nauge Å.** Identity and place: A critical comparison of three identity theories // Architectural Science Review. 2007. № 50. P. 44-51. DOI: 10.3763/asre.2007.5007.
23. **Low S.** Spatializing Culture. An Engaged Anthropological Approach to Space and Place // The People, Place, and Space Reader / ed. by J. Gieseking, W. Mangold, C. Katz, S. Low, S. Saegert. L.: Routledge, 2014. P. 34-38.
24. **McDonough Th. F.** Situationist Space // October. 1994. Vol. 67 (Winter). P. 58-77.
25. **Panfilov A.** The Cluster Model of Development of the City [Электронный ресурс]. URL: https://www.mateconferences.org/articles/mateconf/abs/2016/36/mateconf_tpacee2016_06008/mateconf_tpacee2016_06008.html (дата обращения: 03.10.2020). DOI: 10.1051/mateconf/20167306008.
26. **Peng J., Strijker D., Wu Q.** Place Identity: How Far Have We Come in Exploring Its Meanings? // Frontiers in Psychology. 2020. Vol. 11. P. 294-296. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.00294.
27. **Porter M.** Clusters and the New Economics of Competition // Harvard Business Review. 1998. November-December Issue. P. 77-90.
28. **Stern M. J., Seifert S. C.** Cultural Clusters: The Implications of Cultural Assets Agglomeration for Neighborhood Revitalization // Journal of Planning Education and Research. 2010. Vol. 29. № 3. P. 262-279.

Urban Space and Clustering of Memory

Bezzubova Olga Vladimirovna, PhD
 Saint Petersburg Mining University
 bezzubova_olga@mail.ru

The paper aims to reveal modern forms of identity developed within the so called “new media space”. The identity problem is considered in relation to the collective memory phenomenon. The author focuses on analysing spatial identity and examines self-identification problems associated with urban industrial development of the XX century. Scientific originality of the research involves the cluster approach to studying identity. The research findings are as follows: by the example of the Internet communities dedicated to the so called “urban residential areas”, the author shows that network representation of urban space is a new form of memorial culture and reveals the heuristic potential of the cluster approach as a relatively new trend in social and humanities studies.

Key words and phrases: cluster approach; collective memory; identity; urban space; Internet communities.